

уверенности, что традиция каждого автора всегда и во всех случаях восходит к одному единственному, уже испорченному ошибками и лакунами экземпляру, который он называл архетипом. Паскуали не отрицает, что такие случаи возможны, но не считает, что так случается всегда. Он пишет: «Что большею частью бывает именно так, никто не сомневается, как показывают очевидные ошибки в тексте, можно сказать, у каждого древнего автора, общие всей традиции; и если бы не было так, не возникла бы критика для их исправления, потому что, разбираясь, т. е. сопоставляя разночтения, можно добраться до оригинала». Но затем он подчеркивает: «Кто хорошенько поразмыслит, тому должно казаться невероятным, что каждый раз от каждого сочинения, все еще сохранившегося, в средние века (на Западе и в Византии) был спасен один экземпляр, а остальные погибли вместе с падением античной цивилизации».

Паскуали не дает никакого своего определения для архетипа, а только то, которое дается Лахманном, т. е. что это единственная копия с подлинника, к которой Лахманн возводит все остальные, более поздние копии. Паскуали только оспаривает такое возведение обязательно к архетипу, а не к оригиналу. Он говорит, что Маас (Paul Maas. Textkritik) идет слишком далеко, когда утверждает, что не существует хоть сколько-нибудь значительного классического текста, копии с которого восходили бы к оригиналу непосредственно, а не через архетип, тогда как Паскуали считает доказанным обратное, т. е. что многие тексты восходят прямым путем (gesta via) к оригиналу автора, а не через единственную, испорченную ошибками копию.

Паскуали называет незаконным утверждение Лахманна, когда тот регулярно признает существование архетипа, если в независимых друг от друга рукописях есть общие, порочащие их места. Законным это утверждение будет лишь в том случае, если ограничиться сопоставлением ошибок, не идущих навстречу друг другу. «Очевидно, — пишет Паскуали, — что даже если все рукописи имеют совпадающие ошибки, как это большею частью и бывает, предположение существования архетипа не принесет здесь никакой пользы. Античные издания, которые мы реконструируем соотносятся между собою не так, как соотносились механически копируемые средневековые кодексы. Издатели имели в своем распоряжении запас разночтений, из которых они выбирали. Они часто могли, независимо друг от друга, выбрать одно и то же ошибочное разночтение, могли по невежеству способствовать образованию «по совпадению вульгаты».

Паскуали специально останавливается на характере ошибок, которые обычно случаются при переписке. «Уже почти все признают, — пишет он, — что ряд слов может выпасть, будучи пропущенным в двух рукописях, что полная смысла фраза может быть добровольно опущена двумя переписчиками, без того чтобы каждый раз предполагать здесь происхождение общей лакуны. Но могут случиться также и другие ошибки, как говорится, независимо, случайно в разных кодексах. Признано, что особенности орфографии ничего не доказывают, но некоторые ошибки, как например замена одного слова другим, более известным, немногим отличаются от ошибок орфографических». Паскуали добавляет, что орфография зависит почти столько же от времени копии, сколько и от времени оригиналов, с которых снимаются копии: она не принадлежит к традиции, за исключением того случая, когда идет вразрез с навыками школ переписчиков, и поэтому устаревает.

На протяжении всей главы Паскуали подтверждает свои выводы ссылками на западноевропейские исследования последних десятилетий и примерами из истории издания древних текстов.